

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА В «ГЕОГРАФИИ» СТРАБОНА И «ЛОГОС» АРМЕНИИ

А. А. СТЕПАНЯН (Ленинград)

С периода правления Августа (27 г. до н. э.—14 г. н. э.) римское государство вступило в новую эпоху исторического развития — эпоху принципата. Раздираемая внутренними противоречиями республика уходила в прошлое, уступая место новой политической системе, где верховная власть замыкалась в личности первого гражданина — принцепса. Единовластие ознаменовало собой окончательную победу сильной личности над коллективистскими традициями полиса.

Кризис полиса, постепенное образование империи (первые признаки этого появились еще во II в. до н. э.) нашли отражение в духовной жизни. Это в первую очередь проявилось в интенсивном проникновении в Рим эллинистических идей, ибо греческий мир уже давно миновал данную стадию развития и выработал основы общежития людей в условиях обширных государственных образований¹.

Первым автором, изложившим историю римского государства в свете политических воззрений эпохи эллинизма, был Полибий. В основе его мировоззрения лежит понятие эйкумены, которое у Полибия приобрело совершенно новые черты: наряду с географической целостностью обитаемого мира оно включает в себя идею единства человечества и универсальности законов его развития².

Идеи эти оказали существенное влияние на многих писателей древности, в частности на Страбона, знаменитого историка и географа эпохи Августа. Влияние Полибия на Страбона во многом обусловлено общностью предмета их изысканий — римской империи, ее роста и становления. Уместно вспомнить, что кроме общезвестной «Географии» Страбон написал не дошедшие до нас «Исторические записки», где, по его словам, было дано продолжение сочинения Полибия³.

¹ W. Ferguson, *Legalized absolutism en route from Greece to Rome*, AHR, XVIII (1912), стр. 29—47; E. Goodenough, *The political philosophy of hellenistic kingship*, YCS, I (1928), стр. 86—89; V. Pöschl, *Römischer Staat und griechisches Staatsdenken bei Cicero*, Berlin, 1936, стр. 17—26; H. Steier, *Roms Aufstieg zur Weltmacht und die griechische Welt*, Köln, 1957, стр. 17.

² P. Pédech, *La méthode historique du Polibe*, Paris, 1964, стр. 21—32; A. Breebaart, *Weltgeschichte als Thema der antiken Geschichtsschreibung*, AHN, I (1966), стр. 7—11.

³ Strabo, I, 1, 23; см. Страбон, География в семнадцати книгах, М., 1964 (перевод и комментарии Г. А. Стратановского).

Однако в настоящей статье мы не пытались проследить влияние Полибия на Страбона во всех его проявлениях. Нас в первую очередь интересовало выяснение особенностей теории государства в понимании Страбона, так как только в этом случае возможна правильная интерпретация истории армянского государства, представленная в его «Географии».

Но прежде чем перейти к рассмотрению конкретных государственных форм, нам хотелось бы выделить их некоторые характерные черты.

Полибий полагает, что история начинается с момента появления государств, когда, подчиняясь природному импульсу, люди объединяются в первые гражданские общины⁴. Каждая государственная форма, согласно этому автору, является живым организмом, переходным от всеобщего развития к упадку. Развитие, по словам Полибия, охватывает этапы зарождения (γένεσις), становления (αὔξησις) и расцвета (ἀκμή). Далее следует неминуемый упадок (φθίσις), который кончается переходом данной государственной формы в свою противоположность (μεταβολή). Подобные переходы образуют замкнутые циклы (ἀνταποκρίσεις)⁵.

Страбон разделяет эти взгляды, однако у него переходы противоположностей зачастую лишены естественности. Они изображаются в виде резких скачков общества из одного состояния (расцвет) в другое (упадок), что, конечно, делает повествование менее реалистичным. Этому в значительной мере способствует и известная прямолинейность Страбона в оценке исторических личностей⁶.

В каждой государственной форме эти особенности проявляются по-новому и их выяснение имеет первостепенную важность. Начнем с так называемых простых государств.

1. Простые государственные устройства (ῥηδαί πολιτεῖαι)

При характеристике политических систем греческие мыслители в первую очередь обычно задавались вопросом: сколько членов общества принимают участие в его управлении? Руководствуясь этими соображениями, еще Геродот различал три формы государственного устройства: царство (βασιλεία) — власть сильной личности, аристократию (ἀριστοκρατία) — власть группы избранных, и демократию (δημοκρατία) — власть всего народа⁷.

Подобные взгляды, однако, не дают целостного представления о государственной жизни того или иного общества; необходимо выяснить и качественную сторону вопроса — как осуществляется власть в каждом

⁴ Polyb., VI, 7, 1—3; Strabo, IX, 3, 5.

⁵ Polyb., VI, 7, 3—5; 8, 2—4; 9, 10—11; ср. P. Pédech, указ. соч., стр. 313; F. Walbank, Polybius on the roman constitution, CQ, XXXVII (1943), стр. 76—77.

⁶ Лучшим примером может служить история Афинского государства—Strabo, IX, 1, 20; ср. W. Aly, Strabon von Amasela, München, 1960, стр. 396—398.

⁷ Herodot., III, 82, 1.

из упомянутых режимов. Проблема эта со всей серьезностью встала уже в IV в. до н. э. (в связи с кризисом полисной демократии) и получила оригинальное решение в трудах Аристотеля. Согласно философу, существуют три основные формы государственного устройства: царство, аристократия и тимократия. Каждая из них имеет антиформу (*αντιπολιτεία*), в которую она переходит в силу своей эволюции: царство — в тиранию, аристократия — в олигархию, тимократия — в демократию⁸.

У последующих авторов (главным образом у Дикеарха Месенского и Пансция) эти взгляды подверглись некоторой критике, в частности в вопросе о демократии. Дело в том, что эти авторы видят в демократии одну из основных форм государственного устройства, которая сама имеет антиформу, — таковой признается охлократия (*οχλοκρατία*) — власть черни⁹.

Полибий целиком разделяет это мнение, утверждая, что история любого общества проходит через стадии единовластия, аристократии и демократии¹⁰.

Единовластие — первая форма политической организации общества; на его начальном этапе, который Полибий называет монархией, общество еще не знакомо с социальными чувствами, оно руководствуется грубой силой (*ισχυς*). Это в первую очередь проявляется в том, что все полномочия власти находятся в руках человека, обладающего физическими качествами и отвагой, — народ подчиняется ему только из страха¹¹. Однако со временем картина меняется: зарождающееся чувство справедливости и морального долга приводит к образованию личности. В своем правителе она выше всего ценит духовные качества и подчиняется ему исключительно добровольно. Это уже говорит о том, что монархия уступила место царству, при котором движущей силой общества является всеобщее благо. Вскоре, однако, в силу наследственного права к власти приходят люди, которым чужды общественные интересы. Их эгоизм втягивает общество в пучину хаоса, — так царство переходит в тиранию¹².

Полное беззаконие и насилие приводят к восстанию народа; во главе с «благороднейшими» он свергает тиранию и устанавливает новую форму государственного управления — аристократию. Власть вверяется представителям знати, отличающимся справедливостью и государственным умом. В свою очередь последние делают все, чтобы восстановить дух периода царства: снова всеобщее благо признается наивысшей целью общества. Впрочем, на этом они не останавливаются, по

⁸ Aristotle, Pol., III, 4—5; 1279a, 17; VI, 1289a, 26; Eth. Nic., VIII, 1160, 10b.

⁹ H. Ryffel, *Μεταβολή πολιτειῶν, der Wandel der Staatsverfassungen*, NR, II (1949), стр. 173—175; T. Sinclair, *A history of greek political thought*, London, 1959, стр. 273.

¹⁰ Polyb., VI, 4, 3—10.

¹¹ Там же, 5, 7—9.

¹² Там же, 7, 1—9; ср. H. Ryffel, указ. соч., стр. 176; G. Sabine, *A history of political theory*, Oxford, 1951, стр. 82.

воплощают в жизнь новый принцип общежития — равенство и свободу. Однако и здесь дает себя знать наследственное право: с новыми поколениями в правящее сословие проникают эгоизм и пагубные вожделения. В результате этого общество снова оказывается в состоянии полного хаоса, и это свидетельствует о переходе аристократии в олигархию¹³. В этих условиях народ снова восстает и на этот раз берет бразды правления в свои руки.

Так устанавливается демократия; при ней делаются определенные шаги по восстановлению всех гражданских свобод¹⁴. Однако неустойчивость этой формы государственного устройства чрезвычайна: едва поколение, испытавшее ужасы олигархии, сменяется другим, как общество охватывает неудержная тяга к наживе; появляются богатые люди, которые своими подачками соблазняют и портят народ, превращая его в жалкую толпу. Снова берут верх беззаконие и насилие, ибо вожделения этих богачей для толпы — закон. Вследствие всего этого демократия переходит в свою противоположность — в охлократию.

Однако и охлократия не вечна; она в свою очередь переходит в монархию, ибо «безрассудная толпа» вручает всю власть «некоему дерзкому», отказываясь от всякого участия в управлении государством¹⁵.

Совершив подобным образом большой круговорот, общество возвращается к исходной точке, и все начинается сначала. Разумеется, каждый круговорот имеет свои особенности, но одно неизменно: его становление связано с единовластием, расцвет — с аристократией, упадок — с демократией¹⁶.

Страбон основательно знаком с этими взглядами и пользуется ими при описании государственной жизни того или иного народа. В качестве основных форм государственного устройства он также признает единовластие, аристократию и демократию и вкладывает в них примерно тот же смысл, что и Полибий¹⁷. Сказанное равным образом относится и к процессу их перехода в свою противоположность, — автор представляет его в виде естественной смены поколений людей, в чьих руках находится государственная власть¹⁸.

Однако наряду с этим взгляды Страбона имеют существенные отличия. Это, в частности, проявляется в его упорном молчании о монар-

¹³ Polyb., VI, 8, 4—5.

¹⁴ Там же, 9, 2—4; ср. I. Larsen, The judgement of antiquity on democracy, CP, XXXVI (1954), стр. 8—9.

¹⁵ Polyb., VI, 9, 6—9; ср. F. Walbank, указ. соч., стр. 77—78.

¹⁶ Об этом подробнее см. § 2.

¹⁷ Царство как добровольное подчинение народа правителю, цель которого заключается в обеспечении всеобщего блага. — Strabo, I, 1, 8; VI, 3, 5; 4, 2; VII, 1, 8—9. Аристократия — власть избранных, обеспечивающих свободу и равенство. — I, 1, 8; IV, 1, 5. Демократия — самоуправление народа. — I, 1, 8. Порою автор отождествляет демократию со свободой и независимостью того или иного государства. — IX, 1, 20, XII, 2, 11; 3, 4.

¹⁸ Strabo, VI, 3, 5; XI, 14, 15; XV, 2, 37; XVII, 1, 11.

хическом этапе единовластия¹⁹. Заметим, что эта участь постигла и охлократию: трактуя тиранию и олигархию в духе Полибия, Страбон ничего не сообщает о ней; в качестве антиформы демократии он выставляет ту же тиранию. Подобное положение вещей вряд ли можно считать случайным. Упуская из рассмотрения охлократию и монархию, Страбон фактически отвергает идею Полибия о круговороте государственных форм.

Обращает на себя внимание и другая особенность взглядов Страбона относительно последовательности чередования государственных форм. Выражая свои симпатии мыслителям, критиковавшим Полибия за его «жесткую» схему, он утверждает, что после единовластия общество может переходить и в демократию²⁰. Однако на этом автор не останавливается. Он уверен, что в отдельных случаях возможен даже переход непосредственно в смешанное государство²¹. Это — лучшая форма политической власти, которой, согласно Полибию, предшествует долгое развитие общества.

2. Смешанное государственное устройство (πολιτεία μικτή)

Простые конституции неустойчивы, и с этим связаны все беды общества. В поисках новых форм его организации древние пришли к созданию теории о так называемом смешанном государственном устройстве. По их представлениям, оно включало в себя лучшие черты простых конституций и выделялось особой устойчивостью. Идея о подобном государстве встречается уже в сочинении Фукидида²², но ее научная разработка связана с именами мыслителей IV в. до н. э., и в первую очередь Платона. Образцом смешанного государственного устройства философу представляется ликургова конституция, которая являет собою сочетание тирании, аристократии и демократии. Эти элементы, находясь в абсолютной гармонии, составляют основу умеренной жизни общества²³.

Аристотель также отдает предпочтение смешанному государственному устройству. Включая в себя простые конституции (царство, аристократия, тимократия), оно воплощает единство так называемых «важнейших социальных элементов»: свободного рождения, богатства и отваги. Это единство гарантирует устойчивость государства и благополучие граждан²⁴.

¹⁹ Автор лишь один раз упоминает об этой форме государственной власти, сговаривая, что она присуща лишь самым примитивным обществам. — Strabo, XI, § 11.

²⁰ Там же, I, 20.

²¹ Strabo, VI, 4, 2.

²² Thuc., VIII, 97, 2.

²³ Plato, Leg., IV, 712, ср. III, 692a, 693d. Под тиранией Платон имеет в виду царство.

²⁴ Aristot., Pol., II, 6. 1265b — 1266a; II 10; 1272a; VI 9. 1294a; VI, 8. 1293h...

Дальнейшая разработка данной проблемы связана с Дикеархом Месенским. Им было написано не дошедшее до нас сочинение *Τρικλιτικός*, где в качестве справедливого государства фигурировало сочетание царства, аристократии и демократии²⁵. Взгляды эти оказали существенное влияние на представителей почти всех философских школ и в пору творческой зрелости Полибия пользовались известной популярностью. Полибий воспринял их, однако в сочинении автора, будучи органически связанными с его общен исторической концепцией, они получили качественно новое содержание. Это легче всего прослеживается на примере римского государства, в котором он видит свой политический идеал.

Согласно Полибию, Рим — смешанное государство, которое, подобно спартанскому, критскому или карфагенскому, зиждется на равновесии простых конституций: консулы в нем представляют царство, сенат — аристократию, а народ, обладающий исключительным правом контроля, — демократию²⁶. Но, вопреки этому сходству, Рим существенно отличается от упомянутых государств. Подчеркивая это обстоятельство, Полибий отмечает, что история прежде не знала ничего подобного римской конституции. В полной мере он развивает эту мысль в критике спартанского государственного устройства.

Ликургова конституция, согласно Полибию, весьма похожа на римскую, она обеспечивает свободу и единодушие сограждан и вводит в их отношения элемент благонравия. Это качество в совокупности с природною отвагою спартанцев оберегает их общество от эгоистических вожделений отдельных личностей²⁷. Но в отличие от римлян жизнь спартанцев выделяется особой замкнутостью, чем и обусловлен самодовлеющий характер всего их общества. Исходя из этого, Полибий делает вывод, что ликургова конституция в состоянии обеспечивать процветание лишь отдельного, замкнутого полиса; она не способна объединять множество стран и народов в систему единого государства²⁸. Это признается привилегией одной только римской конституции. Она, по словам автора, является единственным полноценным государственным устройством смешанного характера²⁹. Иными словами, Полибий видит в смешанном

²⁵ Cicero, Att., XIII, 32, 2; Attien, IV, 141a.

²⁶ Polyb., VI, 11—17; ср. P. Zillig, Die Theorie der gemischten Verfassung in ihrer literarischen Entwicklung, Würzburg, 1915, стр. 44—61; T. Broughton, The magistrats of the roman republic, vol. I, N. Y., 1951, стр. 32—46; K. Fritz, The theory of the mixed constitution in Antiquity. A critical analysis of Polybius' political thought, N. Y., 1954, стр. 220—231; C. Brink, F. Walbank, The construction of the sixth book of Polybius, CQ, 2 (1954), стр. 115—121.

²⁷ Polyb., VI, 48, 4.

²⁸ Polyb., VI, 48, 7, ср. там же, 50, 3—4.

²⁹ Там же, 50, 4; ср. F. Taeger, Die Archaeologie des Polybios, Stuttgart, 1922, стр. 108; K. Fritz, указ. соч., стр. 223; W. Nestle, Griechische Geschichtsphilosophie, AGPh, XLI (1932), стр. 97; С. Л. Утченко, Кризис полиса и политические воззрения римских стоиков, М., 1955, стр. 26; его же, Учение Цицерона о смешанной форме государственного устройства и его классовая сущность, ВДИ, 1949, 3, стр. 82;

государственном устройстве форму организации империи. И это принципиально новое решение вопроса, ибо все его знаменитые предшественники связывали этот вид государства с полисным идеалом.

Обратимся теперь к другой особенности взглядов автора. Исследователи уже давно заметили, что хотя Полибий неоднократно говорит об устойчивости смешанных конституций, однако он не верит в их долговечность³⁰. Исключения не составляет даже римское государство, которому, по словам автора, предстоит неизбежный упадок после этапов непомерного роста и расцвета³¹. Эту свою мысль о росте, расцвете и упадке смешанного режима он развивает при сравнении карфагенской и римской конституций.

Хотя Карфаген также обладал лучшим государственным устройством, но несмотря на это в многолетней войне против Рима (вторая пуническая война) он потерпел полное поражение. Причину этого, согласно Полибию, следует искать в том, что карфагенское государство преуспело раньше римского и к моменту войны уже переживало упадок. Это было вызвано тем, что в нем стал преобладать элемент демократии, и карфагенский народ, по словам автора, пользовался исключительным влиянием при решении всех государственных дел. Совершенно иначе обстояло дело в Риме. В период упомянутой войны он находился в состоянии полного расцвета³². Согласно Полибию, это объясняется тем, что в государстве римлян преобладал элемент аристократии — сенат решал важнейшие вопросы внутренней и внешней политики³³.

Итак, расцвет смешанного государственного устройства наш автор связывает с аристократией, а его упадок — с демократией; и хотя он ничего не говорит об этапе роста и становления, нетрудно догадаться о связи последнего с царством. Данный путь развития (как мы уже имели случай заметить), по концепции Полибия, отражает естественный ход исторического процесса. Это говорит о том, что, несмотря на свою устойчивость, смешанное государство (подобно всем остальным государственным формам) подчиняется законам органического развития.

Такова интерпретация теории смешанного государства у Полибия. Страбон воспринял ее, приспособив к тем конкретным задачам, которые стояли перед ним. Задачи эти определялись общей тенденцией духовной жизни эпохи Августа, когда идеи исключительности и вечности римского государства были признаны как важные компоненты сформировавшейся государственной идеологии.

Это обстоятельство оставило неизгладимый след в представлениях

Н. И. Коппрад. Полибий и Сыма Цянь, в его кн. «Запад и Восток», М., 1971, стр. 71.

³⁰ R. Laqueur, Polybios, Leipzig, 1913, стр. 246—249; P. Zillig, указ. соч., стр. 54—55; H. Erbse, Die Entstehung des polybianischen Geschichtswerkes, RMPh, XCIV (1951), стр. 157—179.

³¹ Polyb., VI, 9, 12, ср. там же, 57, 5—7.

³² Там же, 51, 5—6.

³³ Там же, 51, 6. В другом месте римское государство рассматриваемого периода называется просто аристократическим. — XXIII, 14, 1.

Страбона о смешанном государстве. Так, описывая спартанское, критское, карфагенское государства и неоднократно указывая на их достоинства, он нигде не называет их смешанными; таковым признается только государство римлян³⁴. Нетрудно заметить, что, поступая подобным образом, Страбон следует примеру Полибия; он лишь несколько сгущает краски, тем самым особо подчеркивая идею своего предшественника о том, что смешанное государственное устройство является формой организации империи. Необходимо, однако, обратить внимание на то, что рассматриваемый вид государства в сочинении Страбона выглядит довольно необычно — он представлен как равновесие элементов только царства и аристократии. Чем же объяснить отсутствие элемента демократии? Ответ, на наш взгляд, следует искать в повествовании автора об истории римского государства.

В противоположность Полибию, Страбон не допускает возможности его упадка, и даже гражданские войны рассматриваются им как случайно возникшие трудности, преодоленные римлянами благодаря совершенству и устойчивости их государственного устройства³⁵. Это говорит о том, что, исключая элемент демократии, он имел целью приспособить взгляды Полибия к духу своей эпохи, так как в данном компоненте смешанной конституции он также видел причину ее упадка. Вследствие этого смешанное государство Полибия в интерпретации Страбона потеряло важнейшее свое качество — оно перестало быть живым организмом.

3. Портрет идеального правителя (*ἀνὴρ βέλτιστος*)

Взгляды Полибия по этому вопросу составляют неотъемлемую часть государственной этики эпохи эллинизма, которая, по общепринятому мнению, органически связана с философской мыслью IV в. до н. э.

Основным критерием власти каждого истинного правителя истории считался ее законный характер. Закон — элемент всеобщей гармонии — создает основу справедливости (*δικαιοσύνη*), одного из наиболее важных условий существования той или иной нормальной формы общежития³⁶. Выражая связь этих категорий, Сократ отождествлял их, утверждая, что закон есть справедливость³⁷.

Со временем эта идея стала своеобразной аксиомой почти во всех политических теориях; но при этом древние сознавали, что она относится отнюдь не к каждому закону, а только к такому, который содержит в себе особое, божественное начало. В этом смысле несомненный интерес представляют взгляды Платона относительно надлежащей гармонии между законами и мировым разумом (*νοῦς*). Исходящая от него некая интеллектуальная сила (*δύναμις*), по словам философа, придает зако-

³⁴ Strabo, VIII, 5, 9; IX, 4, 8; XVII, 3, 5.

³⁵ Strabo, VI, 4, 2.

³⁶ P. Wendland, *Σωκράτης*, ZNW, V (1904), стр. 338—339; A. Delatte, *Essai sur la politique pythagoricienne*, BPh, XXIX (1922), стр. 79—81; E. Goodenough, указ. соч., стр. 55—58; T. Sinclair, указ. соч., стр. 141—143.

³⁷ Xenophon, *Mem.*, IV, 4, 12.

нам совершенно новое качество — *σωφροσύνη*; оно воплощает собою всю их действительную потенцию и вызывает в душах людей чувство благоговения (*εὐσεβεία*)³⁸. Это приводит к образованию таких социальных отношений, смысл которых заключается в согласии и взаимной помощи сограждан (*ὁμόνοια*)³⁹. Иными словами, посредством *σωφροσύνης* законов люди приобщаются к мировому разуму, что является гарантией их справедливой социальной жизни.

К сказанному остается добавить, что, согласно древним, закон бывает двоякого рода: писанный и неписанный. Писанный закон, по их представлениям, является непререкаемой истиной для данного общества; ему подвластны равным образом и народ, и правитель. Иначе обстоит дело с неписанным законом; его носителем является правитель, на которого общество смотрит как на живой закон (*νόμος ἐμψυχός*). Предпочтение древние чаще всего отдавали неписаному закону как более справедливому и гибкому⁴⁰. Говоря о нем, они имели в виду идеального правителя, олицетворявшего социальное единство данного общества.

Взгляды Полибия на эти вопросы весьма сходны. Он считает, что закон и справедливость становятся реальной социальной силой в результате действия незыблемых законов естественного развития; последние в своей совокупности мало отличаются от мирового разума или гармонии. И для того чтобы отправлять свои функции надлежащим образом, правителю необходимо вникать в их сущность, а это возможно лишь при наличии определенных данных (*βασίλειος εὐφροσύνη*) и соответствующего воспитания (*παιδεία*)⁴¹. Врожденные и приобретенные качества образуют личность идеального правителя⁴². Она представляет собою сочетание многочисленных добродетелей (*ἀρεταί*), отражающих различные стороны его деятельности.

Помимо справедливости (*δικαιοσύνη*), олицетворяющей законность власти идеального правителя, одной из важнейших его добродетелей является величие души (*μεγαλοψυχία*), которое Аристотель называет красотою всех добродетелей⁴³. Полибий целиком разделяет это мнение; очень часто тот или иной поступок любимых героев он характеризует как

³⁸ Plato, Leg., 957c; 960cd; 962f, ср. Polit., 266c, 268e, 270a.

³⁹ Plato, Leg., 958b, 962a, 964c, ср. H. Kramer, Quid valeat *ὁμόνοια* in litteris graecis, Göttingen, 1915, стр. 16—21; A. Momigliano, Camillas and concord, CQ, XXXVI (1942), стр. 118—119.

⁴⁰ E. Zeller, Grundriss der Geschichte der Griechischen Philosophie, Leipzig, 1914, стр. 156—157; E. Coedenoogh, указ. соч., стр. 63; G. Heintzeler, Das Bild des Tyrannen bei Platon, Stuttgart, 1927, стр. 21; T. Sinclair, указ. соч., стр. 146.

⁴¹ Polyb., I, 8, 3; II, 66, 4; IV, 77, 4; V, 39, 6; VIII, 11, 1; VIII, 22, 1; ср. K.-W. Welwei, Könige und Königtum im Urteil des Polybios, Köln, 1963, стр. 133—139.

⁴² Полибий весьма точно передает это, характеризуя его власть словами: *βασίλειος φύσις καὶ τρέξις*—Polyb., IV, 77, 4; V, 39, 6; VI, 22, 1; IV, 14, 5; ср. E. Sarrazin, Das Führerideal des Polybios, Breslau, 1934, стр. 72—79; F. Walbank, Philippos V of Macedon, Cambridge, 1940, стр. 72.

⁴³ Aristot., Eth. Nic., 1124a, 1.

μεγαλοψυχος καὶ βασιλικος (великодушный и достойный царя)⁴⁴. При этом почти каждый раз эта добродетель выставляется автором в новом свете: в одних случаях в ней преобладает элемент умеренности и снисходительности (πραότης, ἐπιεικεία); в других—щедрости и благоразумия (ελευθεριότης, εὐγνομσύνη); в третьих—отваги (ἀνδρεία, τόλμη)⁴⁵. Однако эти качества приобретают социальную значимость лишь в случае сочетания со здравым государственным умом идеального правителя (φρόνησις). Это сочетание порождает истинное человеколюбие (φιλανθρωπία)—наивысший принцип любой нормальной формы общежития⁴⁶.

Любовь к своим подданным, в свою очередь, становится источником самоконтроля идеального правителя (σωφροσύνη, ἐγκρατεία)⁴⁷. Самоконтроль живого закона — основа социальной гармонии. Полибий приводит множество случаев, подтверждающих эту идею; по его мнению, отсутствие самоконтроля может превратить любого правителя в тирана⁴⁸.

Рассмотренные добродетели определяют характер правления идеального правителя — оно представляет собою всеобъемлющее благодеяние (εὐεργεσία), возведенное на уровень государственной политики. Благодеянием проникнуты и внутренняя, и внешняя политика. Его цель во внутренней политике заключается в формировании примерного общественного порядка (εὐταξία). Полибий (подобно многим эллинистическим авторам) считает, что порядок этот зиждется на двух основополагающих принципах: εἰθώς (обычай) и κράτος (сила)⁴⁹. Понятие εἰθώς знаменует собою мораль, выработанную обществом в течение многих поколений⁵⁰. Основываясь на ней, идеальный правитель реализует свою политику посредством убеждения. Однако наряду с этим его правлению характерен и момент принуждения, направленный против любых форм антиобщественного эгоизма. Он и составляет сущность понятия κράτος. Задача идеального правителя заключается в том, чтобы уравновесить эти два противоположных принципа, ибо только в этом случае всеобщее благо может стать движущей силой жизни общества⁵¹.

⁴⁴ Polyb., I, 8, 4; IV, 27, 10; V, 12, 1; VIII, 23, 5; XVI, 28, 3, ср. E. Sarrazin, указ. соч., стр. 79; K.-W. Welwei, указ. соч., стр. 142—148.

⁴⁵ Polyb., I, 8, 4; II, 70, 1; VI, 7, 9; VI, 11, 7; VIII, 2, 1; 10, 10; XVIII, 41, 5.

⁴⁶ Polyb., V, 11, 6; ср. E. Skard, *Zwei religiös-politische Begriffe: Euergetes—Concordia*, Oslo, 1932, стр. 50—51.

⁴⁷ Polyb., VII, 25, 8; VIII, 10, 10; X, 19, 3; XVIII, 41, 8; XXXI, 25, 8; ср. M. Pohlenz, *Geschichte Freiheit, Wesen und Werden eines Lebensideals*, Heidelberg, 1955, стр. 74—76; E. Sarrazin, указ. соч., стр. 90—94; K.-W. Welwei, указ. соч., стр. 148—150.

⁴⁸ Polyb., V, 40, 1; 42, 4; X, 26, 4; XIV, 12, 3; XXV, 3, 7; XXXVI, 15, 4; ср. M. Pohlenz, указ. соч., стр. 77; K.-W. Welwei, указ. соч., стр. 152—153.

⁴⁹ Polyb., VI, 4, 2.

⁵⁰ У римлян этому соответствовало понятие *mos maiorum*, см. E. Goodenough, *Early law and custom*, AHR, XVIII (1912), стр. 78—79.

⁵¹ Polyb., VI, 4, 2; VIII, 26, 7; ср. L. Edelstein, *The philosophical system of Posidonius*, ATPH, LVII (1936), стр. 313; J. Stroux, *Die stoische Beurteilung Alexanders des Grossen*, „Philologus“, LXXXVIII (1933), стр. 226.

Переходя к вопросу о благодеянии во внешней политике, Полибий обращает внимание на то, что еще в самых примитивных сообществах людей их защита составляла основную обязанность предводителя⁵². Правда, эта обязанность еще далека от настоящего благодеяния, однако она содержит в себе его импульс. И в дальнейшем защита своего государства, помощь союзникам, великодушие к неприятелям и вообще справедливая внешняя политика становится одним из характерных проявлений благодеяния идеального правителя. Автор приводит множество примеров в доказательство этого⁵³.

Благодеяние во внутренней и внешней политике свидетельствует о полной самореализации живого закона.

Таким представляется Полибию идеальный правитель. И хотя взгляды Страбона по этому вопросу во многом сходны, тем не менее трудно говорить о непосредственном влиянии: образ подобного правителя фигурировал во многих философских теориях, и в частности в стоицизме, приверженцем которого он был⁵⁴.

Стоицизм (Средняя Стоя) канонизировал образ идеального правителя, придав ему черты логической завершенности⁵⁵. Это особенно чувствуется в его учении о добродетелях; они настолько взаимоувязаны, что наличие одной из них немыслимо без остальных. Исходя из этого, многие стоики даже утверждали, что существует только одна добродетель, а все остальные являются ее проявлениями в различных жизненных ситуациях⁵⁶. Такой добродетелью признается мудрость идеального правителя; с ее помощью он постигает мировой разум (или судьбу) и правит обществом в соответствии с ним⁵⁷.

Следуя принципу тождественности добродетелей, Страбон весьма немногословен в своих характеристиках: его идеальные правители представлены или умеренными (*σωφρων, μέτριος*), или справедливыми (*δίκαιος*), или отважными (*ἀνδρείος*)⁵⁸, а чаще всего мудрыми (*φρόνιμος*)⁵⁹, и этим все сказано.

Согласно автору, эти добродетели вытекают из простоты образа

⁵² Polyb., VI, 6, 8.

⁵³ Такой представляется внешняя политика Филиппа II, Александра Македонского, Гьерона II, Сципиона Африканского и многих других; см. E. Saggs, указ. соч., стр. 117—130; K. - W. Welwei, указ. соч., стр. 177—186.

⁵⁴ Strabo, I, 2, 34; ср. W. Aly, указ. соч., стр. 21; Г. А. Стратановский, Страбон и его «География», в кн.: Страбон. География в семнадцати книгах, стр. 777.

⁵⁵ E. Goodenough, The political philosophy..., стр. 58; J. Stroux, указ. соч., стр. 231; I. Toynbee, Dictators and philosophers in the first century A. D., GR. XIII (1944), стр. 45; F. Kühnen, Seneca und die römische Geschichte, München, 1972, стр. 72.

⁵⁶ I. von Arnim, Stoicorum veterum fragmenta, Bd. I, Leipzig, 1903, fr. 200, 201, 202, 203, 204; ср. M. Reesor, The stoic categories, AJP, LXXVIII (1957), стр. 64; A. Long, Aristotle's legacy to stoic ethics, BICS, XV (1968), стр. 76.

⁵⁷ I. von Arnim, указ. соч., Bd. I, fr. 201, 203; Bd. II, fr. 162, 165; ср. Strabo, X, 4, 8; 4, 16; XVI, 2, 35.

⁵⁸ Strabo, V, 3, 3; VII, 3, 7—9; X, 4—8; XVII, 1, 12.

⁵⁹ Strabo, VI, 4, 2; VII, 3, 9; X, 3, 17; XII, 4, 1; XVI, 2, 36.

жизни, и наиболее благоприятные условия для них существуют на ранних стадиях развития общества, когда оно еще не знакомо с роскошью и алчностью. В этих условиях добродетельная жизнь является естественным состоянием как для правителя, так и для всех членов общества. Иначе обстоит дело в развитом обществе, когда во все сферы жизни начинает проникать чрезмерное увлечение материальными благами. Этой пагубной тенденции противостоит личность идеального правителя: вся его энергия и ум государственного деятеля направлены на то, чтобы превратить праздную роскошь во всеобщее благо⁶⁰. Это — великое благодеяние, цель которого заключается в укреплении унаследованного от предков примерного общественного порядка (εὐταξία). Страбон, как и Полибий, полагает, что его можно добиться двумя способами: убеждением, ориентируя людей на чистоту нравов прошлых поколений (εἰθός), и силой, искореняя социально опасные явления (κράτος)⁶¹.

Во внешнеполитических вопросах Страбон также придерживается близких Полибию взглядов: его идеальные правители в своих отношениях с другими народами руководствуются справедливостью и взаимными интересами⁶². Несмотря на это, их взгляды существенно различаются. Признавая тех или иных правителей идеальными, Полибий исходит из общей оценки их деятельности. Это придает его портретам реалистические черты: автор нередко указывает на недостатки своих героев, правда, как правило, незначительные и не влияющие на их облик⁶³. Однако в отдельных случаях эти недостатки могут развиваться, и тогда идеальные правители становятся тиранами⁶⁴. У Страбона все обстоит иначе: его портреты идеальных правителей (созданные по всем правилам стоической этики) более чем схематичны, в них тщательным образом затенено все, что может напомнить об обычном человеке⁶⁵.

Для выяснения роли личности в истории необходимо, конечно, представить и портрет тирана. Задача эта не связана с особыми трудностями, ибо в последнем древние видели полного антипода идеального правителя и наделяли его противоположными качествами. В соответствии с этим и Полибий и Страбон изображают тирана несправедливым (ἀδικαίος), щедедушным (αἰεληγής), неумеренным (αἰσθητός), безрассудным (παῤῥησις) и чрезмерно сребролюбивым (φιλαργυρός)⁶⁶. Что касается его правле-

⁶⁰ Strabo, VI, 4, 2; XIII, 4, 1.

⁶¹ Strabo, IX, 2, 40.

⁶² Страбон пытается доказать, что эти принципы получили полную реализацию во внешней политике римлян. Оказывается, что, завоеывая все новые страны, римляне исходили из нужд безопасности своей страны, а подвластные народы получали беспечную жизнь. — Strabo, VI, 4, 2.

⁶³ Это лучше всего прослеживается на примере Филиппа II и Антиоха III, см. K.-W. Welwei, указ. соч., стр. 22—28, 61—68.

⁶⁴ Такими правителями были Филипп V, Клемен III, Антиох IV, см. F. Walbank, Philippos V of Macedon, стр. 81; K.-W. Welwei, указ. соч., стр. 68—74, 103—113.

⁶⁵ Strabo, VI, 4, 2; X, 4, 8; XV, 1, 5; XVII, 1, 12.

⁶⁶ Polyb., VI, 7, 6—8; 8, 5—6; 9, 8; VII, 10, 3; X, 38, 1; Strabo, VI, 2, 2; VII, 3, 11; X, 4, 17; XI, 14, 14.

ния, то оно подрывает устой общественной жизни и создает полный хаос ($\alpha\tau\alpha\lambda\iota\alpha$)⁶⁷. Все это находит отражение во внешней политике: в своих отношениях с соседними народами тиран чаще всего руководствуется соображениями грубой силы⁶⁸.

4. Образование Римской империи

Идеальные правители характерны для периода расцвета государственной жизни; далее наступает неминуемый упадок и на смену им появляются тираны. Исходя из этого, и Полибий и Страбон довольно часто изображают историю тех или иных государств в виде процесса неуклонного вырождения их правителей.

Согласно Полибию, этот процесс получил всеобъемлющий характер с конца III в. до н. э., когда во всех ведущих государствах тогдашнего мира (Карфаген, Египет, Македония, царство Селевкидов) власть стала постепенно переходить в руки тиранов⁶⁹. Исключение составляло лишь государство римлян: в условиях повсеместного упадка оно находилось в полном расцвете. Вследствие этого исход его столкновения с упомянутыми государствами был предreshен, и римляне смогли добиться мирового господства за сравнительно короткий срок. Их империя была результатом естественного развития государств, вовлеченных в ее орбиту, — поэтому Полибий видит в ней движение самой истории⁷⁰. Такое представление процесса образования империи (вследствие того, что оно отражало настроения римской аристократии) получило весьма широкое распространение, вплоть до того, что проникло даже в сферу религии: уже во II в. до н. э. у союзных и подвластных народов появился культ Рима как всевластной судьбы ($\tau\omicron\chi\eta$)⁷¹.

Разумеется, Страбон не мог остаться равнодушным к этим идеям; он воспринял их и пытался с их помощью объяснить мировой исторический процесс. Государственное устройство Рима, образ жизни самих римлян рассматриваются им как наивысшее достижение человечества, ибо через них действуют силы самой судьбы. Этим обусловлено строго негативное отношение Страбона ко всему, что препятствовало развитию Рима. Сказанное, в частности, относится к деятельности тех правителей, которые враждебно относились к Риму. Они, как правило, изображаются автором тиранами; лишая их власти, римляне творили настоящее благодеяние, ибо освобождали народы от величайшего зла и восстанавливали их нормальную социальную жизнь⁷². Однако наряду с этим Страбон знает и случаи, когда правители тех или иных государств,

⁶⁷ Polyb., V, 40, 1; XXV, 3, 7; XXXVI, 15, 4; Strabo, III, 4, 8; V, 4, 11; VIII, 3, 8.

⁶⁸ Polyb., V, 38, 1; VII, 10, 3; Strabo, V, 4, 11; XII, 3, 14.

⁶⁹ Polyb., I, 4, 7; VI, 57, 5.

⁷⁰ Polyb., I, 4, 2; см. Н. И. Конрад, указ. соч., стр. 72.

⁷¹ U. von Wilamowitz-Moellendorf, Der Glaube der Hellenen, Bd. II, Berlin, 1932, стр. 306.

⁷² Strabo, VI, 4, 2; VII, 3, 11; VIII, 5, 4; IX, 1, 20; X, 5, 4; XII, 3, 6.

сознавая превосходство Рима, искали дружбы с ним. Этим они как бы распространяли его устойчивость на свои государства, создавая для них реальную возможность избежать упадка. Что касается самих правителей, то и они и их преемники сохраняли качества, делавшие их идеальными⁷³.

Идеи эти, как можно было думать, восходят к Полибию. Правда, у него они не носят столь категорического характера: не всегда правители, враждовавшие с Римом, представляются автору тиранами; среди них порою встречаются и далеко незаурядные личности⁷⁴. Это еще раз свидетельствует о реалистическом отношении Полибия к истории.

В этом смысле больший интерес представляет другая особенность его взглядов, касающаяся оценки взаимоотношений Рима с другими государствами. Формы межгосударственных отношений, о которых шла речь выше, рассматриваются Полибием как временные, характерные только для периода расцвета римского государства. Он уверен, что они потеряют свою силу в связи с предстоящим упадком, когда Рим перестанет быть движущей силой исторического прогресса. Этот реализм Полибия, однако, отвергается Страбоном; для него эти отношения ничем не ограничены, они являются вечной истиной, подобно самому Риму.

5. «Логос» Армении

«География» Страбона (за исключением первых двух теоретических книг) состоит из сравнительно небольших, тематически друг с другом тесно связанных «логосов». Логос — традиционный жанр древнегреческой историографии, представляющий собой очерк географии, этнографии и истории той или иной страны. Он обычно применялся в сочинениях описательных и, как правило, приобретал более целостный характер в тех случаях, когда речь шла о странах, представлявших особый интерес для греков. Подобный «утилитаризм» прослеживается и у Страбона: наиболее целостные логосы автора посвящены странам, игравшим видную роль в современном ему мире. При этом он целиком исходит из идеологии римского экспансионизма, рассматривавшей каждую из этих стран как своего реального или потенциального врага.

Одним из наиболее удавшихся логосов Страбона является логос Армении; в нем автор стремился дать по возможности целостную картину этой страны, ее исторического прошлого. Свой рассказ Страбон начинает с довольно подробного описания географии Армении — ее гор, долин, рек, озер, городов⁷⁵. Далее, в нескольких словах представив про-

⁷³ Лучшим примером могут служить пергамские цари; они первыми в Азии вступили в дружественные отношения с римлянами, обеспечив тем самым благополучие и процветание своего государства. — Strabo, XIII, 4, 1—2. Такими Страбон выставляет и правителей аристократической Массилии. — IV, 1, 5.

⁷⁴ Это лучше всего прослеживается на примере сицилийского царя Гиерона II, в котором Полибий видит совершенный идеал правителя. — Polyb., I, 8, 3; ср. K.-W. Welwei, указ. соч., стр. 97.

⁷⁵ Strabo. XI, 14, 1—11.

цесс этнической консолидации армян, он переходит к изложению их истории, начиная от легендарного Армена вплоть до эпохи Августа. Следует заметить, что более достоверными являются те сведения Страбона, которые относятся к «новейшей» истории Армении⁷⁶. Согласно автору, этот период ознаменовался восстановлением независимости армянского государства после многовекового господства персов (Ахеменидов), а затем македонян (Селевкидов)⁷⁷. Восстановление независимости (которое древние считали одним из характерных проявлений сотерии) в Армении было достигнуто усилиями Артаксия (Арташеса) и Зариадрия (Зареха).

Последние вначале были стратегами селевкидского царя Антиоха III Великого (223—187 гг. до н. э.), правившими «страной вокруг Артаксаты» и Софеной. После поражения Антиоха III в войне против римлян (190 год до н. э.) они провозгласили себя царями⁷⁸. В представлении Страбона эти цари (особенно Артаксий) выглядят как идеальные правители, которым, кроме сотерии (σωτηρία), присущи и другие добродетели.

Как известно, укрепив свои позиции, Артаксий и Зариадрий взялись за воссоединение разрозненных армянских земель, отвоевав у соседних народов Каспиану, Фавнитиду, Басоропеду, Хорезену, Гогарену, Карепитиду, Аклисену и Таморитиду⁷⁹. Этим были созданы вполне реальные условия для вовлечения отдельных, друг с другом мало связанных армянских племен в единую национальную жизнь. Инициаторы этого дела, Артаксий и Зариадрий, по терминологии древних, были создателями «армянского образа жизни» (εὐταξία Ἀρμενίων). Это качество свидетельствует о великом их благодеянии (εὐεργεσία)⁸⁰.

Однако сотерия и благодеяние возможны лишь в случае наличия устойчивой связи правителя с мировым разумом или судьбой (τύχη). В этом отношении не составляли исключения и армянские цари. Страбон подчеркивает это обстоятельство, указывая на дружественные отношения Артаксия и Зариадрия с Римом, в котором, как указывалось выше, он видит воплощение самой судьбы⁸¹. Связь с судьбой, согласно Страбону, свидетельствует о трезвом государственном уме (σφρόνησις), который в свою очередь является источником умеренности (μετρία) и справедливости (δικαιοσύνη). И хотя в своем весьма сжатом рассказе автор не приводит фактов относительно этих добродетелей армянских царей, тем не менее нельзя ставить под сомнение их существование,—

⁷⁶ Там же, 14, 15.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, 14, 5; об этом подробнее см. Գ. Խ. Սարգսյան, Հայաստանի միավորման և հզորացման Արտաշես Կ. Բ. օրոքը, «Հայ ժողովուրդի պատմություն», հատ. I, Երևան, стр. 350—354.

⁸⁰ P. Wendland, Die hellenisch-römische Kultur, Berlin, 1912, стр. 409; E. Goodenough, The political philosophy..., стр. 98—99.

⁸¹ Strabo, XI, 14, 15: καὶ οὗτοι, τοῦ βασιλέως ἐπιτρέψαντος ἡγεθῆντος δ' ἐκείνου, πρὸς ἡμέραν Ῥωμαίοις καὶ αὐτοῦς ἐταττοντο, βασιλεῖς προσχόμενοι.

следует вспомнить, что у Страбона все добродетели взаимоувязаны и наличие одной из них невозможно без остальных.

Все это говорит о том, что в период правления Артаксия и Зариадрия армянское государство переживало эпоху своего расцвета. Далее, согласно схеме Страбона, последовала эпоха его упадка; она совпала с правлением Тиграна II Великого и Артавазда II. Стремясь показать Тиграна II тираном, Страбон в первую очередь отрицает его связь с судьбой, подчеркивая, что на долю этого царя выпало испытать ее различные превратности⁸².

Продолжая в том же духе, он показывает, что у Тиграна II отсутствовали и другие важнейшие добродетели. Так, говоря о богатстве Армении, Страбон ссылается на то, что в виде контрибуции Тигран II выплатил Помпею 6000 талантов серебра, дав каждому воину по 50 драхм. центурнионам — по 1000 драхм, а гиппархам и хиллархам — по таланту⁸³. С точки зрения этики Страбона, это свидетельство содержит неопровержимое доказательство чрезмерного эгоизма царя.

Как указывалось, Страбон против богатства, за исключением тех случаев, когда оно является средством благодеяния. В этом отношении лучшим примером могут служить пергамские цари. Захватив огромное богатство Лисимаха (одного из диадохов Александра Македонского), они всячески способствовали процветанию своего города. Вскоре Пергам стал известен на весь мир своими великолепными дворцами, парками, знаменитой библиотекой⁸⁴. Что касается богатства Тиграна II, то оно не обрело форму благодеяния, оставаясь праздной роскошью. Эту свою мысль Страбон развивает и при описании основания Тигранакерта: свою новую столицу царь строил за счет разорения соседних народов⁸⁵.

Подобным беззаконием, согласно Страбону, отмечены и другие политические акции Тиграна II, в частности завоевание Мидии, Месопотамии, Сирии, Финикии⁸⁶. Страбон всячески старается показать, что империя этого царя была проявлением великой атаксии (*αταξία*), а это означает, что победа римлян над последним отвечала жизненным интересам всех народов Передней Азии. Сказанное равным образом относится и к армянскому народу: римская гегемония не давала развиваться пагубным вожделениям его царей-тиранов. Именно это имеет в виду Страбон, отмечая, что Артавазд II преуспевал, пока состоял в союзе с римлянами (*Ἀρταβάδης ἐχέμενος τῶς μὲν ῥωμαῖς, φίλος ὢν Ῥωμαίοις*). Стоило ему отказаться от сотрудничества с римлянами, как в глазах автора он становится злостным предателем, достойным наказания⁸⁷.

С эпохи Августа римский контроль над Арменией получил форму

⁸² Там же: ... τὴν αἰὲς ἀεὶ ἀντιπαρὸς ποικίλεις.

⁸³ Там же, 14, 10.

⁸⁴ Strabo, XIII, 4, 1—2.

⁸⁵ Strabo, XI, 14, 15.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

устойчивой политической системы, что, согласно схеме Страбона, соответствовало интересам самих армян.

Все это дает основание говорить о том, что история Армении, представленная в ее «логосе», скомпонована Страбоном в соответствии с его главной идеологической задачей — показать, что господство римлян было подготовлено всем ходом предыдущего развития этой страны. В «Географии» Страбона существует и другая версия истории Армении, но о ней речь должна идти особо.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- AGPh—Archiv fur Geschichte der Philosophie
 AHN—Acta Historiae Neerlandica
 AHR—American Historical Review
 AJPh—American Journal of Philology
 BFPPh—Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et Lettres de l'Université de Liège
 BICS—Bulletin of the Institute of Classical Studies (London University)
 CP—Classical Philology
 CQ—Classical Quarterly
 GR—Greece and Rome
 NR—Noctes Romanae, Forschungen über die Kultur der Antike
 QR—Quarterly Review
 REG—Revue des Etudes Grecques
 RMPH—Reinisches Museum für Philologie
 RE—Realencyklopädie der Altertumswissenschaft
 YCS—Yale Classical Studies
 ZNW—Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft
 ВДИ—Вестник древней истории

ՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԵՐԸ ՍՏՐԱԲՈՆԻ «ԱՇԽԱՐՀԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ» ԵՎ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ «ԼՈԳՈՍԸ»

Ա. Ա. ՍՏԵՓԱՆՅԱՆ (Լենինգրադ)

(Ամփոփում)

Ստրաբոնի «Աշխարհագրությունում» առկա է հին հայկական պետության պատմության առավել ուրույն տարբերակներից մեկը, որի համակողմանի ուսումնասիրությունը պահանջում է պարզել, թե ի՞նչ է հասկանում հեղինակը պետություն ասելով, ինչպե՞ս է պատկերացնում նրա զարգացումը: Այս նպատակով հողվածում զուգահեռներ են անցկացվում Ստրաբոնի և հելլենիստական շրջանի նշանավոր պատմագիր Պոլիբիոսի հայացքների միջև: Նման մոտեցումը առավել քան կարևոր է, քանի որ իր «Ընդհանուր պատմության» մեջ Պոլիբիոսը հանրագումարի է բերել հունական «քաղաքական փիլիսոփայության» նվաճումները: Համաձայն այս հեղինակի, գոյություն ունեն երկու տիպի պետական ձևեր՝ պարզ և խառը: Պարզ պետական ձևերն են թագավորությունը, արիստոկրատիան և դեմոկրատիան: Վերջիններս ունեն իրենց սահմանավորումը, ծաղկումը և անկումը: Անկման հետևանքով նրանք իրենց տեղը զիջում են իրենց հակաձևերին (αχολουσία). թագավորությունը՝ տիրանիային, արիստոկրատիան՝ օլիգարխիային, դեմոկրատիան՝ օխոկրատիային: Ընդ որում, եթե նորմալ պետական ձևերի ժամանակ իշխա-

նությունը գտնվում է կատարյալ կառավարիչների ձեռքին, ապա հակաձևերի ժամանակ հանդես են գալիս բռնապետները: Հողվածում ցույց է տրվում, որ Ստրաբոնը հիմնականում ընդունել է այս հայացքները:

Փոքր ինչ այլ է դրությունը խառը պետական ձևերի հարցում: Խառը պետություն ասելով Պոլիբիոսը նկատի ունի միայն Հռոմը, որը ըստ նրա իր մեջ ներառում էր և՛ թագավորության, և՛ արիստոկրատիայի, և՛ դեմոկրատիայի տարրեր: Պետության զարգացման տարբեր էտապներում տիրապետող էին այս տարրերից որևէ մեկը. սաղմնավորման էտապում՝ թագավորության, ծաղկման էտապում՝ արիստոկրատիայի, անկման էտապում՝ դեմոկրատիայի տարրերը:

Ստրաբոնը ևս Հռոմը համարում էր խառը պետություն, սակայն այստեղ նա տեսնում էր միայն թագավորության և արիստոկրատիայի տարրեր, նպատակ ունենալով ցույց տալ, որ Հռոմը, հակառակ բոլոր պետությունների, հավերժական է: Ըստ այդմ էլ կայսրության կազմավորումը Ստրաբոնը ներկայացնում է որպես բախումն զորեղ Հռոմի և անկում ապրող մնացած պետությունների միջև: Նա փորձում է ապացուցել, որ գրավելով նորանոր երկրներ, հռոմեացիները իրագործում էին դրանց ժողովուրդների սուլվերեն իրավունքը, քանի որ ազատագրում էին նրանց տեղական բռնապետներից: Այս սխեման Ստրաբոնը տարածում է նաև Հայաստանի վրա: Ցանկանալով ցույց տալ, որ Հռոմի գերիշխանութունը Հայաստանի նկատմամբ, իբր, արդյունք է այս երկրի օրինաչափ զարգացման, հեղինակը բաժանում է նրա պատմությունը երկու էտապի: Դրանցից առաջինը համընկնում է Արտաշեսի ու Զարեհի կառավարմանը և նշանավորվում է երկրի ծաղկմամբ: Երկրորդ՝ Տիգրան Մեծի և Արտավազդ II-ի էտապում Հայաստանը անկում է ապրում: Համապատասխանորեն, Տիգրան Մեծը և Արտավազդ II-ը Ստրաբոնի կողմից ներկայացվում են որպես տիպիկ բռնապետներ: